

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	7
Глава II	21
Глава III	30
Глава IV	34
Глава V	38
Глава VI	43
Глава VII	55
Глава VIII	62
Глава IX	69
Глава X	77
Глава XI	85
Глава XII	90
Глава XIII	99
Глава XIV	106
Глава XV	115
Глава XVI	123
Глава XVII	142
Глава XVIII	152
Глава XIX	164
Глава XX	172
Приложения	186

«Природа вечно стремится к обновлению, в то же время неизменна, как вечность. В этом отношении искусство подобно природе. Пусть каждый век приносит новые нравы, новые одежды, новые мысли, но гений неизменен, как сама красота».

«Пусть молодые руки, полные жизни и сил, примут с почтением священный святой светоч из дрожащих рук старцев; пусть они защищают его от порывов ветра, пусть чтут эту божественную искру, которая пролетит сквозь будущие века, как она пролетела век минувший. К работе! К работе! Жизнь коротка!»

Альфред де Мюссе. Драма «Андреа дель Сарто».

«Я никогда не утомлюсь, пока не добьюсь своей цели написать картину, сюжет которой возник и носится передо мною в воображении. Бог благословит меня быть бодрым и преданным своему делу... Если позволят силы, здоровье, я буду бесконечно трудиться и искать новых и новых вдохновенных сюжетов, чтобы достичь того, чего желаю создать, 82 года заставляют меня спешить».

И. Айвазовский (из частного письма 1899 года)

Глава I

Рассказы и воспоминания Айвазовского. Восточное происхождение художника. Любовь к родине и страсть к путешествиям. А.С. Суворин¹. Интересное семейное предание о спасении русскими на войне младенца — отца Айвазовского. Фамилия Айвазовских. Детство художника. Проблески гения. Приезд А.И. Казначеева². Н.Ф. Нарышкина и кн. П.М. Волконский³. Белые ночи. В доме графа А.А. Суворова⁴-Рымникского князя Итальянского. Посещения В.А. Жуковского и «дедушки» И.А. Крылова. Воспоминания о творце «Помпеи» К.П. Брюллове⁵. В кружке «братии». М.И. Глинка⁶, Айвазовский и «Руслан и Людмила». Н.В. Кукольник⁷.

¹ Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912) — русский журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург.

² Александр Иванович Казначеев (1788—1880) — сенатор, действительный тайный советник, в 1829—37 гг. глава Таврической губернии.

³ Светлейший князь Петр Михайлович Волконский (1776—1852) — русский военный и придворный деятель из рода Волконских, генерал-фельдмаршал (1843), министр императорского двора и уделов (1826—1852), владелец усадьбы Суханово.

⁴ Светлейший князь Александр Аркадьевич Суворов (1804—1882) — русский государственный, общественный и военный деятель, генерал от инфантерии.

⁵ Карл Павлович Брюллов (1799—1852) — русский художник, живописец, монументалист, акварелист, представитель академизма.

⁶ Михаил Иванович Глинка (1804—1857) — русский композитор.

⁷ Нестор Васильевич Кукольник (1809—1868) — русский прозаик, поэт, переводчик и драматург первой половины XIX века, автор текстов популярных романсов.

Широкая популярность Ивана Константиновича Айвазовского и недавняя кончина великого по своему славному историческому прошлому и знаменитого художника, приковывающая к себе в настоящее время внимание и сочувствие общества, — таковы обстоятельства, побудившие нас предложить читателям некоторые воспоминания из жизни покойного художника, наиболее любимые им и ценные по своему важному значению. Нашу задачу составляет лишь воспроизведение переданных им частью в переписке с нами, частью в рассказах и словесных воспоминаниях при встречах с нами в Крыму и Петербурге и записанных нами рассказов покойного художника о своих славных друзьях и современниках, с которыми ему приходилось сталкиваться, и некоторых важных по своему историческому интересу событиях жизни, о которых на склоне лет маститый старец с любовью и живостью часто имел обыкновение вспоминать в своих увлекательных беседах и письмах.

Имея в виду со временем воссоздать для русской публики образ незабвенного по значению его для России художника, мы не будем вдаваться теперь во всестороннюю подробную оценку почтенной его деятельности и заслуг: подведение конечных итогов — дело истории и будущих биографов проф. И.К. Айвазовского. (Большинство биографов Айвазовского ограничивались обыкновенно почти одними выдержками и извлечениями из академического формулярного списка его из издания Ф. Булгакова «Наши художники» и каталогов главнейших его картин.)

Личное знакомство с нашим знаменитым художником дало нам возможность составить предлагаемые воспоминания по собственным устным рассказам самого И.К. Айвазовского и по его письмам. При составлении их, для проверки некоторых важных исторических фактов и событий его жизни, не были обойдены нами, само собой

«Портрет И.К. Айвазовского».

Художник Алексей Васильевич Тыранов. 1841 г.

Иван Константинович Айвазовский (1817–1900) –
русский художник-маринист, баталист,
коллекционер, меценат.

Живописец Главного Морского штаба,
академик и почетный член Императорской Академии
художеств, почетный член Академий художеств
в Амстердаме, Риме, Париже, Флоренции и Штутгарте

разумеется, и печатные материалы, рассеянные в наших статьях за прежние годы.

Жизнь Айвазовского представляется нам настоящей волшебной сказкой, богатой событиями, почти неизвестными многим, другими забытыми, и прекрасной, как чудный, пленительный сказочный сон. Его гений — это та могущественная, волшебная фея, которая чудесно сплетала узоры его жизни, располагая их как можно лучше, разумнее и счастливее и вдохновляя его, вливая в него вместе с любимой им южной природой морей и силу, и бодрость, и вечно молодую, кипящую энергию. Как известно, мать нашего поэта В.А. Жуковского была пленная турчанка, принявшая потом христианство, а другой наш знаменитый поэт — А.С. Пушкин, о предках которого по случаю 100-летнего юбилея его еще так недавно вспоминали в обширных статьях, вычисляя всю его родословную, был родным правнуком африканца — арапа Петра Великого Ибрагима, привезенного в Константинополь, а оттуда в Париж. Сам поэт даже гордился своим происхождением, нисколько не скрывая его.

И в жилах Айвазовского текла турецкая кровь, хотя его принято было у нас почему-то считать до сих пор кровным армянином, вероятно, вследствие постоянных симпатий его к несчастным армянам, усилившихся после анатolianской и константинопольской резни, насилий и грабежей, приводивших всех в ужас, достигших своего апогея, заставлявших его негласно широкою рукой благотворить угнетаемым и громко возмущаться бездействием Европы, не желавшей вмешиваться в эту резню. Со свойственным ему всегдашним увлечением и пылом Иван Константинович находил, что «Новое Время» тоже довольно холодно и индифферентно относится ко всем этим ужасам и, по его словам, в ту пору это служило предметом разногласий и оживленных споров между ним и Алексеем Сергее-

вичем Сувориным, с которым он часто встречался в Феодосии и Петербурге.

В Суворине он признавал необыкновенную даровитость и много раз говорил о том влиянии, какое приобрела его газета в административных сферах благодаря его таланту и вынужденному порой оппортунизму. Здесь мы встречаемся с редким примером гениального человека, отмеченным еще Ф.М. Достоевским, умением совмещать в своей душе любовь не только к родине, но и к чужим, близким его сердцу, предметам, которые становятся предметом его дум и забот.

Замечательно, что Иван Константинович не только обладал способностью горячо любить людей, заменивших ему родных и способствовавших выбиться на дорогу но вообще привязывался к людям и месту; хотя провел всю жизнь в странствиях, но и к своей второй родине, и к родному городу он чувствовал страсть не меньшую, чем к искусству. Среди русских по происхождению даже художников трудно было бы отыскать подходящий пример любви и самоотверженной готовности прийти на помощь нуждающимся и работать на благо России и своего родного города, какой проявлял в течение бесконечно долгого ряда лет профессор И.К. Айвазовский. Но кругозор его наблюдений не ограничивался одним городом или местностью.

В данном случае нашего художника, объездившего весь свет и постоянно путешествовавшего, вполне правильно можно сравнить с перелетной птицей, ищущей себе приволья то в одной, то в другой стороне. Всю жизнь провести в путешествиях, не покидая до смерти маленькой Феодосии, — не правда ли, редкое явление! Сень густо разросшихся лавров и кипарисов в родной стране на берегу Черного моря, приютившая на вечные времена

художника, при жизни его, как мы знаем, часто служила лишь местом кратковременного отдыха. Но он не находил здесь для себя праздного покоя и, как птица могучим взмахом своих крыльев, как орел, гордый и недосягаемый в своем полете, подымался с насиженного места и парил в неведомом чуждом пространстве.

О своем происхождении сам И.К. Айвазовский вспоминал однажды, в кругу своей семьи, следующее интересное и вполне, стало быть, достоверное предание. Приведенный здесь рассказ первоначально записан с его слов и хранится в семейных архивах художника.

«Я родился в городе Феодосии в 1817 году, но настоящая родина моих близких предков, моего отца была далеко не здесь, не в России. Кто бы мог подумать, что война, этот бич всеистребляющий, послужила к тому, что жизнь моя сохранилась и что я увидел свет и родился именно на берегу любимого мною Черного моря. А между тем это было так. В 1770 году русская армия, предводительствуемая Румянцевым, осадила Бендеры. Крепость была взята, и русские солдаты, раздраженные упорным сопротивлением и гибелью товарищей, рассеялись по городу и, внимая только чувству мщения, не щадили ни пола, ни возраста.

В числе жертв их находился и секретарь бендерского паши. Пораженный смертельно одним русским гренадером, он истекал кровью, сжимая в руках младенца, которому готовилась такая же участь. Уже русский штык был занесен над малолетним турком, когда один армянин удержал карающую руку возгласом: «Остановись! Это сын мой! Он христианин!» Благородная ложь послужила во спасенье, и ребенок был пощажен. Ребенок этот был отец мой. Добрый армянин не покончил этим своего благодеяния, он сделался вторым отцом мусульманского сироты, окрестив его под именем Константина, и дал ему фами-

лию Гайвазовский, от слова „гайзов“, что на турецком языке означает „секретарь“.

Прожив долгое время со своим благодетелем в Галиции, Константин Айвазовский поселился, наконец, в Феодосии, в которой он женился на молодой красавице-южанке, тоже армянке, и занялся первое время удачно торговыми операциями».

Айвазовские еще в прошлом столетии переселились из Турции в Галицию, где поныне близ гор. Львова сохранились их родичи, землевладельцы Айвазовские, переименовавшиеся, так же как и они, свою фамилию.

Детство художника протекало в маленькой, убогой по своей обстановке и бедности квартирке. Отец Айвазовского был разорившимся армянским негодником, поддерживавшим семейство хождением по тяжёлым делам и незначительной мелкой торговлей, так как с переселением из Галиции и Молдавии в Крым он лишился здесь своего состояния вследствие чумы, свирепствовавшей в городе Феодосии в 1812 году. Но в то время, как с раннего детства И.К. Айвазовский привыкал к широкому, безбрежному раздолью южного моря, а слух его — к немолчному шуму и плеску пенящихся волн, «за много лет назад, из тихой сени рая сошла в наш мир» эта волшебная фея, которая стала напевать ему свои чудные песни. То был гений Ивана Константиновича, проявившийся с малых лет, по словам самого художника, ярко еще в пору раннего детства, когда он впервые почувствовал в себе искру художнического творчества. И вот явился он, этот редкий у нас на земле гость.

Он нес с собой неведомые чувства,
Гармонию небес и преданность мечте,
И был закон его — искусство для искусства,
И был завет его — служенье красоте.

Ребенком 10-12 лет наш будущий Ломоносов XIX века, по блеску достигнутых им трудом и талантом успехов, Айвазовский самоучкой играл, и довольно недурно, по отзыву А.И. Казначеева, на скрипке и усердно занимался рисованием. Неуверенной детской рукой начал он карандашом первые работы и нарисовал в 1829 году, 12-летним ребенком, ряд морских картинок, портретов военных героев Греции и сцен из восстания Греции, а также срисовывал виды турецких крепостей, прославленных подвигами русского оружия. Не довольствуясь этими рисунками, развешанными в квартире отца (отец его имел в ту пору еще обветшалый, полуразвалившийся домик на краю города Феодосии; я осматривал вместе с Иваном Константиновичем этот скромный дом вблизи старой Генуэзской слободки), он рисует на наружных стенах отцовского дома, и эти рисунки, изображающие военные типы, заставляют останавливаться толпами прохожих, простодушно дивившихся таланту мальчика-художника.

И местный современник А.С. Пушкина, в ту пору градоправитель Феодосии А.И. Казначеев, привлеченный игрою мальчика-художника на скрипке и его рисунками, приезжает сам посмотреть на него, как на чудо, призывает его к себе и вместе с учителем рисования, архитектором Кохом, принимает живое участие в судьбе будущей знаменитости.

Иван Константинович любил до конца жизни в длинных рассказах вспоминать А.И. Казначеева, говоря, что он «многим ему обязан и сохраняет о нем самое сердечное воспоминание».

Через 12 лет, по отъезде своем из родины, находясь за границей, в Италии, и движимый благородным порывом признательного сердца, он, как сам нам рассказывал, пишет на память для Казначеева картину, изображающую его первую встречу с А.И. на берегу моря, когда он полу-

чил от него привезенный с собою «лучший в жизни и памятный подарок — ящик водяных красок и целую стопу рисовальной бумаги».

Находясь в Петербурге, уже в Академии художеств, в которую вследствие просьбы знакомых А.И. Казначеева — Н.Ф. Нарышкиной и кн. П.М. Волконского, показавших его рисунки императору Николаю Павловичу (на них нарисованы были пером группа евреев, молящихся в синагоге, и морские виды, как говорил художник), — он был вытребован и зачислен в 1833 году, он ведет переписку со своим покровителем и заводит здесь новые знакомства, имевшие впоследствии на него большое влияние.

И.К. Айвазовский, с удовольствием останавливавшийся всегда на рассказах об этой эпохе, говорил нам, что особенно поразительное впечатление производили на него, после роскошного юга, в убогой нашей северной природе с ее бледным небосклоном — белые ночи.

В эти задумчивые, светлые, прозрачные летние ночи, воспетые Пушкиным, по словам Ивана Константиновича, ему нередко приходилось возвращаться из дома светлейшего гр. Александра Аркадьевича Суворова-Рымникского князя Италийского, у которого он проводил все воскресные и праздничные дни и который всегда относился к нему с самым радушным, теплым участием. С семейством сестры Суворова, Варвары Аркадьевны Башмаковой (рожденной княжны Италийской, графини Суворовой-Рымникской), хорошей знакомой семьи Таврического губернатора А.И. Казначеева, Айвазовский на лошадях прибыл, как рассказывал нам, из Симферополя в Петербург.

О назначении его стипендиатом в академию он был уведомлен частным образом письмом гр. Суворова в конце августа 1833 г. Знаменитый поэт наш Василий Андреевич Жуковский в 1835 г. посетил скромную квартирку нашего художника в академии и одним из первых по приезде его в Петербург горячо приветствовал его талант и уте-

шал его, в то время как он с трепетом и волнением ждал решения своей участи вследствие известной истории наветов по поводу непослушания его царской воле и приказаниям профессора академии Таннера, завидовавшего успехам Айвазовского.

С жаром написанная картина его «Этюд воздуха над морем» появилась вопреки заданным летом 1835 г. учителем его работам из северной природы, которые он не желал выполнить, сказавшись больным, чем Таннер был несказанно раздосадован. (По повелению императора Николая I картина тогда скоро была снята с выставки. Распоряжение об этом передал приехавший от имени государя флигель-адъютант.)

А.Н. Оленин, желая содействовать успехам юного мариниста, сам подал ему, по словам Ивана Константиновича, мысль написать эту картину к осенней выставке. Картина вызвала вскоре в академических залах сенсацию, привлекала в ту пору уже толпы публики, и Айвазовский получил за нее впоследствии первую серебряную медаль, присужденную приговором общей конференции Академии художеств.

Добрый от природы и сострадательный В.А. Жуковский, долго беседуя с Айвазовским, убеждал его не унывать, не волноваться, не падать духом и по-прежнему ревностно заниматься живописью. Вскоре после «певца Светланы» и наш «дедушка-баснописец» Иван Андреевич Крылов приехал в академию и также пожелал видеть, как впоследствии А.С. Пушкин, юного художника-поэта.

Это было в том же 1835 году. Наш незабвенный баснописец, пленившийся появившейся на выставке творческой картиной ученика академии И.К. Айвазовского, высказал ему по этому поводу свой восторг и удивление перед яркими проблесками сказавшегося в ней таланта и принес первые слова утешения и одобрения, скоро донесшиеся до него и с высоты престола. При появлении «де-

«Этюд воздуха над морем». 1835 г.
Одна из первых картин И.К. Айвазовского

душки Крылова» ученики академии, товарищи Ивана Константиновича, вбежали шумной гурьбой к нему в комнату и передали желание Крылова увидеть его. Айвазовский, опечаленный, грустный, вышел, и маститый «дедушка», приподнявшись со своего места навстречу, ласково подзвал его к себе, завел с ним беседу.

— Поди, поди ко мне, милый, не бойся! Я видел картину твою — прелесть как она хороша. Морские волны запали мне в душу и принесли к тебе, славный мой, — произнес Крылов добродушным всегдашним своим голосом. Поцеловав молодого человека, своим замечательным, счастливым сходством так близко напоминавшим ему, как и всем, начиная с высокого покровителя его императора Николая I, великого Пушкина, — продолжал, обняв, утешать опечаленного художника:

— Что, братец, француз обижает? Э-эх, какой же он... Ну, Бог с ним! Не горюй!..

По словам художника, И.А. Крылов более часа провел в беседе с ним и, уезжая, уговаривал его не переставать с такой же любовью предаваться художественным занятиям и творчеству и так же любить природу.

Участие Жуковского и Крылова, встречавших не раз после того Айвазовского у Оленина и Брюллова, несколько облегчило тяжкие волнения и гнет, лежавшие на сердце его, а новый 1836 год рассеял его опасения на дальнейший гнев царя, успокоившийся благодаря ходатайству о нем благородного проф. А.И. Зауервейда¹.

Передавая нам об этом, маститый художник с большим чувством восторга говорил, что он «никогда не забудет этого 1836 года». Знаменитый творец «Последнего дня Помпеи» Карл Павлович Брюллов, тогда один из первых профессоров академии, питавших к нему живейшее

¹ Зауервейд Александр Иванович (1782—1844) — немецкий и русский художник, профессор батальной живописи ИАХ.

сочувствие, как и Зауервейд, приблизил его к себе и, чуждый зависти и напыщенности, ввел его в этом году в кружок «братии», славными корифеями, завсегдатаями которой были, по словам Ивана Константиновича, наш композитор М.И. Глинка, знаменитый исторический романист Н.В. Кукольник и его брат Платон, поэт В.А. Жуковский, «неистовый балагур» Я.Ф. Яненко¹ и другие.

Кукольник издавал в то время свою «Художественную газету» и скоро напечатал в ней статью, полную восторженных похвал И.К. Айвазовскому, которую закончил знаменательными словами: «Ни слово, ни музыка — одна кисть Айвазовского способна изобразить верно страсти, так сказать, морские. Произведения его поражают, бросаются в глаза своими эффектами. Его земля, небо, фигуры доказывают, чем он быть может и должен. Скоро не одни глаза разбегутся, но призадумается и душа внутри зрителя. Дай нам, Господи, многие лета, да узрим исполнение наших надежд, которыми, не обинуясь, делимся с читателями!»

Предсказание и пророчество Кукольника не замедлило сбыться. За свои картины Айвазовский вскоре получил первую золотую медаль. Картины его были куплены для академии императором Николаем I за 3000 руб. асс., и отъезд в чужие края, по желанию царя, ускорен на 2 года.

Во время собраний у Брюллова, в веселом кружке талантливой «братии» незаметно летели часы для радушно здесь принятого художника. «Братия» посвящала новичка во все тайны любимого ими искусства. Сам хозяин Брюллов, в пестром художественном своем широком зеленом халате, вел остроумные и интересные беседы о живописи и ее истории. Глинка очаровывал присутствующих здесь игрой на фортепиано и пением (у него был, по словам И.К. Айвазовского, чудный голос). Платон Кукольник

¹ Яков Феодосиевич Яненко (1800—1852) — портретный живописец, академик. Сын художника Феодосия Ивановича Яненко.